

9	0216-2	ОЛЕГ ЧУХОНЦЕВ	«Я вас окликаю»	Часть 1 «Огонь и бабочка»
10	0216-3	ОЛЕГ ЧУХОНЦЕВ	«Я вас окликаю»	Часть 2 «Полёты во сне»

«Я вас окликаю» (Коренбит – Чухонцев)

Часть 1 «Огонь и бабочка»

1. Жареная сказка – 2.50
2. Деревянный город – 1.30
3. Кыш, вороны! – 2.24
4. Дух черемухи – 1.37
5. Единственный свидетель – 2.34
6. Что делать мне? – 2.32
7. Иволга – 1.29
8. По воду – 3.43
9. Огонь и бабочка – 1.56
10. Ночь – 2.03
11. Как торопится жизнь! – 2.05
12. В отпуске – 2.37
13. Вот женщина – 1.46
14. Если можешь – 1.23
15. Эта благодать – 2.51
16. Ну да ладно! – 1.47
17. Я назову тобой – 1.18
18. Вот и все – 2.05
19. Чужая жена – 1.47
20. Похмелье – 2.55
21. Похмелье-2 – 1.58
22. На волоске – 1.08
23. Звук – 1.20
24. Бессонница – 1.54

Общее время звучания – 49. 32

Общее время звучания – 1.40.51

СОДЕРЖАНИЕ

1. ЖАРЕНАЯ СКАЗКА

На камешке, у бережка
сидит, бубнит под нос.
— Что мелешь ты, Емелюшка?
— Да ничего... Овес...

Сидит да сучит бороду.
Столетия идут.
А бабы выйдут по воду —
с три короба наврут.

А слухи в каждом коробе,
что шут его крестил:
поймал-де щуку в проруби,
поймал, да отпустил.

А щука-де ученая —
с Емелей говорит.

О чем? Тут дело темное,
не зря, видать, сидит.

А смолоду, а с голоду —
холера да война.
— А кто же мутит воду-то?
— А все она, она.

По щучьему велению —
ступайте в печь, дрова!
По щучьему велению —
зубастые слова!

У вас — волочат волоком,
у нас — наоборот:
летит ковер под облаком,
крестьянский самолет.

У вас — указ, не иначе,
указ везет гонец.
А мы — на печке сидючи
прибудем во дворец.

А в царстве замечается:
дела идут не так.
А в царстве заручаются —
сиди себе, дурак.

А он на трон не зарится,
живет да хлеб жует.
А щука — слышишь? — жарится.
А сказке — свой черед.

2. ДЕРЕВЯННЫЙ ГОРОД

Этот город деревянный на реке
словно палец безымянный на руке:
пусть в поречье каждый взгорок мне знаком
как пять пальцев, — а колечко на одном!

Эко чудо — пахнет лесом тротуар,
пахнет тесом палисадник и амбар;
на болотах, где не выстоит гранит,
деревянное отечество стоит.

И представишь: так же сложится судьба,
как из бревен деревянная изба;
год по году — не пером, так топором —
вот и стены, вот и ставни, вот и дом.

Стой-постой, да слушай стужу из окон,
да поленья знай подбрасывай в огонь;
ну а окна запотеют от тепла —

слава Богу! Лишь бы крыша не текла!

3. КЫШ, ВОРОНЫ!

А в нашем саду поселились вороны.
Вьют гнезда. Ломают сушняк на дубах
и каркают так, что качаются кроны
от ора и в душу вселяется страх.

Да вправду ль вороны? Не спутать бы мастью,
не вспомнить бы зоркой приметой потом:
ворона к ненастью, а ворон к несчастью.
К чему же отец тычет в небо шестом?

Ах, Господи, что за содом! Неужели?
Не знаю, не знаю... Лишь в этот приезд
заметил, как мать и отец постарели.
Не знаю, не знаю, к чему этот шест.

... Как билось оно — не от той ли печали? —
над шумным гнездом вороное крыло!
А ветви шумели. А птицы кричали.
А солнце, весеннее солнце пекло.

Хоть гром бы свалился вороньей напастью!
Хоть ливень бы хлынул на наше жильё!
Ворона к ненастью, а ворон к несчастью.
Вороны иль вороны? Кыш, воронье!

4. ДУХ ЧЕРЕМУХИ

Черемуха из-под дождя,
пятилепестковая одурь,
тебя я услышал, поодаль
от ярких рядов проходя.

Черемуха? Боже ты мой!
Откуда? С какого вокзала?
Какая нужда завязала
твой ворох суровой тесьмой?

Зачем ты торчишь на торгу,
как девочка в белой панаме?
Цвела бы себе на поляне,
на майском цыплячьем лугу!

Да где там, на торг городской
тебя угораздило тоже.
О, как мы с тобою похожи
своей несуразной тоской!

Я грусти не знал бы весной,
а этой весной и подавно,
когда бы не дух твой так явно,

твой дух не витал надо мной.

Он словно бы в чем-то винил,
и, сколько я шел по Садовой,
черемуховый, черемховый —
все время вдогонку дразнил...

5. ЕДИНСТВЕННЫЙ СВИДЕТЕЛЬ

Черемуха в овраге. Соловей.
Благоухает та, а этот свищет.
Душе довольно простоты своей,
которая сама с себя и взыщет.

Я, проходя, сперва подумал: Фет,
представил мельком барский пруд, беседку,
но вспомнил и свое: велосипед,
тетрадку в клетку, девочку-соседку.

Я ей писал записки, от чернил
синели пальцы. А она краснела.
Как я несчастлив! Как я счастлив был
своим несчастьем! Но не в этом дело.

А дело в том, что перышко с крыла
в те дни мне ангел бросил для отваги,
а по садам черемуха цвела,
и кто-то щелкал по ночам в овраге.

Что девочка умчалась, так о ней
и слуху нет. А перышко осталось.
Легчайшее, как думал дуралей,
да тяжелей, чем думал, оказалось.

Да дух остался, нет, не аромат,
а дух, который веет бесталанно
над тем пиитой, и на поздний взгляд —
единственный свидетель, вот что странно.

6. ЧТО ДЕЛАТЬ МНЕ?

Что делать мне, говоруну,
когда мне дома не сидится,
когда проворная синица
торопит позднюю весну?

Когда в распахнутом окне
гудит черемуха и тает,
когда терпенья не хватает
торчать в дому — что делать мне?

Не лучше ль наложить запрет
на филькин труд, на кучу хлама
и посмотреть на вещи прямо?

Конечно лучше — что за бред!

Не лучше ль из дому во двор
 пройти небрежно и лениво,
 и постоять, и выпить пива?
 Конечно лучше — что за вздор!

Так выпьем, разведем бобы
 с гуляками и остряками!
 Так нет же — развожу руками
 и слизываю соль с губы.

Ах, черт, какая дребедень!
 Я злюсь и курицей мореной
 на загогулине мудреной
 вишу как проклятый весь день.

И надвигается разлад,
 где строгость переходит в праздность,
 и тяготит несообразность,
 и скачут мысли невпопад.

Я сбился с ног и в тишине
 руками голову сжимаю
 и ничего не понимаю:
 — Что делать мне?..

7. ИВОЛГА

Заплачет иволга, и зацветет жасмин.
 И догадаешься: ты в мире не один.

Так тишь колодезна. Так ведро глубоко.
 Гроза промчалась — и прокисло молоко.

И дуб струящийся, вобравший небосвод,
 как конь от мух, листвою нижнею прядет

·
 Живи как можется, вдыхай до ломоты
 озон жасминовый и банный дух тщеты!

Тебе ли не было отпущено с лихвой?
 Так слушай: иволга кричит над головой...

8. ПО ВОДУ

Дня не видно за летней страдаю.
 Мама знает — не буду упрячиться. —
 — Ты сходил бы, сынок, за водою,
 а то вовремя мне не управиться.

Я пойду за палатку, за церковь,
 буду ведра на дужках раскачивать,
 а потом зацеплю на зацепку,

стану медленно ворот раскручивать.

Вот кручу я, а сам вспоминаю
все о ней да о ней — на беду мою,
и пока я ведро подымаю,
обо всем, обо всем передумаю.

Изменить ничего не изменишь,
крутишь ручку — она уже теплая.
Ах, колодец, тебя не измеришь —
темен сруб, как душа ее темная.

Подымать — это надо привычку.
Расплескаешь... А к слову заметится:
не поймать, если выпустишь, ручку —
как ошпаренная завертится.

Я ведро подымаю руками,
а бока запотевшие, потные.
Я к ведру прилипаю губами —
словно губы ее: холодные.

Ходит в горле кадык, льет за ворот.
Рукавом — не подумайте: плачу я —
утираюсь и снова за ворот,
жму на ручку — а ручка горячая.

Я спешу: мама ждет не дождется,
а ведро так и ходит по проводу,
так и бьется о стенки колодца!
... Не пускай меня, мама, по воду.

9. ОГОНЬ И БАБОЧКА

Вечером на даче —
свечку засвети.
Бабочки сгорают
в пламени свечи.

Падают под ноги,
падают к ногам.
Глупая доверчивость!
Ну а как же нам?

А у нас — иначе,
а у нас — не так.
В гости приглашает
закадычный враг.

А глаза в глазницах —
Далеко вдали —
навели на мушку,
ждут команды: «Пли!»

Пли — и плеск из рюмок.
Пли — в зубах икра.
Действие второе —
новая игра.

Он мне реверансы —
я ему поклон.
Шпарю, как оратор,
на магнитофон.

Близится развязка —
ну-ка по одной!
Вот он видит крылья
за моей спиной.

Он глядит набычившись —
грудью на столе, —
как, сгорая, корчится
спичка в хрустале.

Спрашивай,
выспрашивай,
принимай всерьез.

Кто огонь,
кто бабочка —
еще вопрос!

10. НОЧЬ

Когда в поселке свет потух,
и прокричал со сна петух,
и прошумели ветви яблонь,
я, вздрогнув, ощутил на слух
тот пленный отчужденный дух,
который был природой явлен.

Стояла ночь, и лай собак
стихал, усугубляя мрак,
и, стихнув, не давал забытья,
и мысль неловко, кое-как
толкалась, как ручей в овраг,
ища, во что бы воплотиться.

Наверно, там, таясь за тьмой,
досадная себе самой,
она текла прямей и шире,
а я, ее исток прямой,
я так хотел, чтоб голос мой
как равный воплотился в мире.

Я так хотел найти слова

бесхитростного естества,
но чуждо, чуть касаясь слуха,
шуршала мокрая трава,
шумела черная листва —
свидетельства иного духа.

И в кадке с дождевой водой
дрожала ржавою звездой
живая бездна мирозданья.
Не я, не я, но кто другой,
склоняясь над млечною грядой,
оставил здесь свое дыханье?

11. КАК ТОРОПИТСЯ ЖИЗНЬ!

Как торопится жизнь! Не вчера ли
ветки торкались в изморозь рам,
а сегодня уже разметали
брачный пух по зеленым дворам.

— Горько! Горько! — и в пьяном веселье
чья-то свадьба колотит горшки.
— Горько! Горько! — еще на похмелье
желчь измены и горечь тоски.

Ну да что! В этом мире цветущем
так легко на душе, так светло,
что не хочется знать о грядущем
или думать о том, что прошло.

Хороша эта жадная воля —
не загадывать век наперед,
все теперь — и любовь, и застолье,
потому что и это пройдет.

Потому что скорбям и удачам
счет один. И как древний собрат
говорю вам: я тленьем охвачен,
но в груди моей чувства кипят!

12. В ОТПУСКЕ

Кто там чиркнул по небу и погас
в камышах, где мгла непроглядней мрака!
Вот он! Вон еще! О, не хватит глаз,
сколько там их, тьма! Что за блеск, однако.

Это дух цветения и тоски,
жар вздувая, вызов бросает звездам,
Это пляшут в сумерках светляки
в черноморском космосе огненосном.

Это с курса сбившийся самолет
из хвостом сигналит живой мигалкой.

Это в щель подмигивает Эрот
отпускнице мокрой за раздевалкой.

Это под ноги забежавший мак.
Это славий щекот и стих Завета.
Это все сказал уже Пастернак,
из травы поднявший перчатку Фета.

Это тайная на груди тетрадь.
Это слух, напрягшийся ожиданьем.
Это речь молчания: что сказать,
если самый воздух горит желаньем...

13. ВОТ ЖЕНЩИНА

Вот женщина — и глаз не скосит,
и не отшутится всерьез,
но шарф за горло перебросит —
и жизнь пойдет наперекос.

Придумщица и фантазерка,
и пальцем не пошевелинет,
но глянет холодно и зорко —
и всю обыденность сметет.

Пройдет — и море взбудоражит,
барашки двинет на песок,
оборотится вдруг — и ляжет
волна смиренная у ног.

И, видит Бог, порвешь все пути
и мелочный стяхнешь уклад
из-за единственной минуты,
когда она опустит взгляд.

И если тайной друг о друге
сведет вас где-нибудь двоих,
ты стиснешь руки ей — и руки
в руках останутся твоих.

14. ЕСЛИ МОЖЕШЬ

Три раза в году цветет тамариск
и только один — джуда,
от этих сухих сумасшедших брызг
кипит зеленой вода,
и солнцем каждый листок пригрет,
и зной, да такой, в тени,
что если ты хочешь сказать мне *нет*,
то лучше повремени.

Пусть зной спадет, и падет роса,
и жук пролетит ночной,
и вспыхнут холодные небеса

над нами, тобой и мной,
и к тамариску прильнет джуда,
и грянет, да так, с ветвей,
что если ты можешь сказать мне *да*,
то лучше сказать скорей.

15. ЭТА БЛАГОДАТЬ

Колючий воздух утреннего Крыма
и этот свет — не ярок, а слепит.
— Скажи, скажи! — но грусть неизъяснима,
лишь галька черноморская скрипит.

Отбушевав, отпенясь, море кротко,
как после близости. И ты со мной.
И сохнет перевернутая лодка
на берегу, забытая волной.

О чем еще? Я был недавно молод
и тоже бушевал. Но поутих.
Как это назовешь: внезапный холод,
озноб восторга и тщету двоих?

— Люблю, люблю! — еще бормочут губы,
а опыт сердца не находит слов,
и тихие серебряные трубы
поют, не слыша наших голосов.

Не говори ни слова. Дай мне руку
на неизбежное. На здесь и там.
На встречу или вечную разлуку.
На память жизни, предстоящей нам.

Никто от своего не уклонится.
Какого же еще подарка ждать?
Какой невосполнимостью томиться?
И так с избытком эта благодать!

16. НУ ДА ЛАДНО!

Я и сам не пойму, что к чему:
что-то листья ложатся прохладно,
что-то стало прохладно в дому.
Ну да что нам терять? Ну да ладно!

Ведь и так у зеленой Двины
на окраине бабьего лета
мы пропаще с тобой влюблены —
да еще и потерянность эта!

Ведь и так в двух шагах от беды,
белой изморозью хорошея,
на траве проступают следы —
да еще эти пальцы на шее!

Для того ли нас в глушь занесло
и свело под зеленою крышей,
чтобы после листвой занесло
и засыпало вьюгой притихшей?

Неужели когда-то потом
в этом крае, таком нелюдимом,
только память затянется льдом,
как домовье затянется дымом?

Только сердце падет на траву,
как пороша на озимь густую.
Снег да снег... Закрывай-ка трубу,
все уже прогорело вчистую!

17. Я НАЗОВУ ТОБОЙ

Я назову тобой бездомный год,
кочевий наших пестрый обиход,

и ночь в окне, и лампу на стене,
и тьму привычек, непонятных мне.

Я назову тобой разлив реки,
избыток жизни с привкусом тоски.

Пусть даже ты уйдешь — я не умру.
...и тень в жару, и зяблика в бору.

Пусть даже ты уйдешь — я буду знать,
что, названная, прибежишь опять,

хотя тебе и будет невдомек,
что я один, но я не одинок,

что ты как дух со мной наедине.
...и ночь в окне, и лампа на стене.

18. ВОТ И ВСЁ

Заколodило наши пути.
Развело — и путей не узнаешь.
Жар еще не сошел, погоди!
Веет липой — а ты уезжаешь.

Сохнут губы, и пальцы как лед.
Что случилось? С какого недуга
так горячечно липа цветет
и глаза избегают друг друга?

Ни о чем я тебя не прошу,
уезжай — наша связь добровольна,
На вечерний перрон провожу,

уезжай, уезжай — мне не больно!

Все равно! Что тянуть канитель,
если память копейки не стоит?
Застилай на дорогу постель,
и не стоит об этом, не стоит...

И когда отшатнувшийся свет
поплывет и закружатся тени,
— Я любил тебя! — выдохну вслед
и — ступени, колеса, колени.

И экспресс застучит второпях.
и стремглав за экспрессом летящим
горы шлака на черных путях
вдруг откроются в небе горящем.

Вот и все. И обдаст колею.
И заклинит рычаг семафора.
Ничего. Я и это стерплю...
И отпустит. Теперь уже скоро...

19. ЧУЖАЯ ЖЕНА

...Не может быть! — и сердце в колотьбе
так заходило, что от напряженья
я судорожно думал о тебе,
пытаясь отогнать воображенье,

и, повернувшись на бок, в полусне
еще, еще, еще — и многократно —
я думал о тебе лицом к стене,
и на стене подрагивали пятна,

и тополь, в ночь метавший семена,
так шелестел в окне, что мне казалось,
что в этот час была ты не одна,
и я не знал, как это называлось, —

не браком же! — но кто тебя ласкал,
он был в законе, но как вор последний,
и каждый палец пытке потакал:
большой, и указательный, и средний —

все троеперстье — нет, вся пятерня,
вся кровь моя в подушку колотила:
ты не его любила, а меня —
меня! меня! — когда его любила...

20. ПОХМЕЛЬЕ

Опустошенность и тоска.
Пора ли минула
или надежда, как река,

с разливом схлынула?

Еще недавно — небеса
ляпис-лазурные,
а ныне — ртутная роса
и дым над урной.

Вчера еще — вино любви
от тайной вечера,
а нынче — алкоголь в крови
и уксус в печени.

Бог мой, мне скоро тридцать три.
Не этой крови ли
ждут вологодские псари
и псы Мордовии?

Подруги до страстного дня,
друзья-свидетели,
о, неужели и меня
крестом поместили?

А мне — мне нечего терять,
мое потеряно:
и дни не собраны в тетрадь,
и жизнь не склеена.

В тайгу — и вся бы недолга,
да столько тянется,
что жизнь едва ли дорога —
Какая разница!

Захочешь в рай — сам выбирай,
в земной, в небесный ли:
там — над душою вертухай,
а здесь — над песнями.

21. ПОХМЕЛЬЕ-2

Ожесточенность и хандра.
Из дела выбился,
недорасчухался с утра
или не выспался.

И ноги вкривь, и мысли вкось,
кривится улица.
Хлебнуть рассолу бы, авось
все образуется.

Убожеств волчий аппетит,
статеек вырезки.
Глаза б не видели — тошнит
от каждой вывески!

Над этажами по табло
бегут известия.
И это — чье-то ремесло,
растет же, бестия!

Все строят инженеры душ
свои курятники.
Сидят на яйцах вроде клуш
дружки – стервятники.

Вон тот — тверезый как бревно,
а этот — пьяница.
А в общем-то — не все ль равно,
какая разница!

Какой тут к дьяволу поэт
тоскою вызвенит:
— Уюта нет? Покоя нет? —
А если — жизни нет.

Да что, гори она огнем!
За синь звездастую —
рассолу бы — и рукавом,
и — благодарствую!

22. НА ВОЛОСКЕ

Когда верблюды пролез
в игольное ушко —
перебродил прогресс,
и зло в добро ушло,

и разомкнулся круг
истории Земли,
и Свет из первых рук
явил дела свои.

Был бесконечный день,
повернутый к теплу,
и влажная сирень
стучала по стеклу.

Был бесконечный час,
пронзительный как стих,
и что-то зрело в нас,
что выше нас самих.

Неслышимый на слух,
невидимый на глаз,
бродил единый Дух,
преобразавший нас.

Он зябликом в лесу
свистел на сто ладов,
да так, что на весу
сорваться был готов.

И тонкий-тонкий звук
терялся вдалеке,
и я — как всё вокруг —
висел на волоске.

23. ЗВУК

Вдруг — в темноте — звук,
тонкий как волосок.
Что там? Скрипит сук?
Или свербит сверчок?

Стон ли какой? бред?
Или ночной пилот?
Спать бы, а сна нет,
звон из ушей нейдет.

Словно стоит Тот,
с сабелькой у виска,
Кто своего ждет
часа или должка.

Мать стоит у окна,
мыло шипит в тазу.
Спать бы, да нет сна,
нет ни в одном глазу.

Вечер, семья, дом,
на волоске — свет.
Воздух глотать ртом —
злее обиды нет.

Правда ль Твоя, ложь,
Господи, нет сил
слышать над ухом дрожь,
гул комариных крыл!..

24. БЕССОННИЦА

Всю ночь точил меня комар,
а утром — пионер,
и пыгку, как от янычар,
терпел я, крепковер.

Один зудел, другой трубил,
а я на стену лез,
и так я сыт их пеньем был —
по горло, под зарез!

А тут и Муза — не уснешь! —
толкает локтем в бок.
Ей-богу, наточить бы нож
и всех троих — в лесок.

Но нет, уж если Гете сам
руки поднять не мог
на муху злую, где уж нам
окровавлять листок.

Быть может, этот, тоже злой,
назойливый стервец,
как муха та, поклонник мой,
мой ангел, наконец.